

На протяжении нескольких дней Цзи Линьси исправно являлся к игрокам. Вскоре он настолько сблизился с дворовой челядью, что те, завидев его, и вовсе перестали следить за языком.

— Поговаривают, молодой господин Ван в этом году тоже намерен держать экзамены, — как бы невзначай заметил Линьси, подбрасывая кости. — С его-то талантами он наверняка без труда займет первое место и станет чжуанюанем?

Слуги, успевшие за эти дни изрядно облегчить кошелек «наивного простака», окончательно потеряли бдительность. Для них этот ученый был лишь дойной коровой, а потому в пылу азарта они выбалтывали всё, вплоть до того, какому именно хозяину в поместье прислуживают.

— Какое там первое место! — хохотнул один из слуг. — Нашему господину дай бог столичные экзамены пережить. Мы все только и ждем, что после дворцовых испытаний Его Величество смилостивится и пожалует ему хотя бы звание таньхуалана.

— Господин канцлер в последнее время только и делает, что печется об учебе сына, — подхватил другой. — Боится, что тот провалится на весенних экзаменах. Даже в Зал Вэньхуа его больше не пускают — заперли в четырех стенах, велели над книгами корпеть.

— Если уж говорить о чжуанюане, то раз в этом году на поле боя вышел второй молодой господин Шэнь, остальным ловить нечего. Первое место по праву достанется лишь ему.

Линьси про себя лишь молча согласился. Раз прекрасный принц решил участвовать, то и высшая награда может принадлежать только ему одному.

«Значит, мой господин тоже будет держать экзамен...»

Он задумчиво размышлял об этом, продолжая игру. В это время другой слуга ехидно прыснул:

— Наш-то господин, поди, совсем там зачах. Уж столько времени носа не кажет в Павильон Хунлуань, а ведь раньше его оттуда и калачом было не выманить.

— Павильон Хунлуань? — переспросил Линьси.

— Эх ты, книжный червь! Сразу видно — только из провинции приехал. Павильон Хунлуань — это же самое известное заведение в столице! Чтобы тамошняя затворница-красавица тебя хоть взглядом удостоила, простому человеку придется всё имение спустить.

Горло Линьси невольно сжалось. Буквально прошлой ночью он видел нечто подобное во сне.

Ему снилось, будто он, обладая несметными богатствами, переступил порог некоего обиталища грез. Прекрасный принц явился перед ним, скрыв лицо за прозрачной вуалью. Стоило тому лишь поманить пальцем, как Линьси, точно лишившись рассудка, готов был отдать всё золото мира лишь за один миг единения, за вкус этих алых губ.

Нельзя об этом думать. Заставив себя прогнать наваждение, Линьси сглотнул вязкую слюну и принялся неосознанно тереть пальцами гладкий камешек под ногами.

«Значит, молодой господин Ван — натура страстная и влюбчивая»

Сведений о сыне канцлера было уже предостаточно. Достав из кошелька горсть серебряной крошки, он бросил её в круг.

— Ставлю на мелкое, — бросил Линьси и, увидев, как выпало крупное, а его деньги перекочевали к игрокам, продолжил с прежним интересом: — Вы всё твердите про второго молодого господина Шэня... Неужели он и впрямь так велик? Стоит ему явиться на экзамен, и победа уже в кармане?

— А то как же! В столице о талантах молодого господина Шэня легенды слагают. Даже Его Величество на пиру во дворце лично хвалил его дарования.

«Лично хвалил... Похоже, император не такой уж и самодур, раз способен оценить истинную красоту моего принца»

— В три года он уже знал сотню поэм, в четыре — искусно владел кистью, в шесть — писал такие трактаты, что ученые мужи диву давались. К десяти годам он превзошел всех в стихосложении и прозе. Если не господин Шэнь станет чжуанюанем, то кто же тогда?

Линьси подхватил общий хор славословий:

— Судя по вашим речам, молодой господин Шэнь — истинный небожитель.

— Это верно, — кивнул слуга. — Вот только нрав у него больно холодный.

Линьси, который только что упивался похвалами в адрес возлюбленного, мгновенно нахмурился. Холодный? Прекрасный принц был само воплощение нежности и чуткости. С чего бы ему быть холодным?

«Хе! Да эти олухи, небось, его и в глаза не видели. Мелют языком, опираясь лишь на свои глупые домыслы»

Впрочем, оно и верно: разве таким ничтожествам дозволено лицезреть столь благородную

особу? Интерес к беседе мгновенно угас. Раз нужные сведения получены, пришло время собирать разбросанные сети.

Дворовая челядь всё еще надеялась сегодня обобрать «дурачка» до нитки, но внезапно удача отвернулась от них. Юноша не только вернул проигранное, но и начал стремительно опустошать их собственные карманы.

— Еще раз! — Сюй Жао, проигравший больше всех, в ярости стиснул зубы и выгреб последние деньги. — Ставлю на крупное! Всё, что осталось! Тридцать лянов!

— А я на мелкое! Двенадцать лянов! — подхватил другой.

Стоявший перед ними простак всё еще казался легкой добычей. Длинные пальцы Линьси небрежно подтолкнули серебро.

— Что ж, тогда я поставлю на «леопарда».

Крышка стаканчика взлетела, открыв взорам три кости, на каждой из которых — чистая шестерка.

— Ах, надо же, — в его голосе прозвучало радостное изумление. — Не ожидал, что сегодня мне так повезет.

Это были их последние деньги. Слуги побледнели, их руки мелко задрожали. Откуда у этого недотёпы такая удача?! Сказать «леопард» и выкинуть его — да ведь это двойная выплата! А у них за душой больше ни гроша.

Цзи Линьси, успевший в свое время поработать на хозяев игорных притонов и набивший руку в шулерстве, соорудил сострадательную мину:

— Знаете что... давайте забудем об этом. Мы ведь просто коротали время. Служить в поместье канцлера — труд нелегкий, копейка достается потом и кровью. Я лишь хотел немного развлечься с братцами, разве посмею я забрать ваши кровные?

Услышав это, игроки едва не заплясали от радости. Они поспешно сгребли свои деньги обратно, но горечь поражения всё еще жгла им души. Им хотелось отыграться, затащить «книжника» обратно в круг. Однако Линьси уже поднялся. Смахнув пыль с рукавов, он убрал кошелек и сокрушенно вздохнул:

— Уж сумерки сгустились, пора и честь знать. Пойду почитаю немного. Как-нибудь в другой раз свидимся.

Сюй Жао, оставшийся в дурном расположении духа, уходил последним. Поправляя одежду, он всё не мог выбросить из головы тот злосчастный бросок. Ну и везенье у этого придурка... Поперло же дурню, просто невероятно.

Ночь уже полностью вступила в свои права. Сюй Жао должен был заступать на дежурство у покоев молодого господина. Не успел он сделать и нескольких шагов, как чья-то рука легла ему на плечо. Вздвогнув от неожиданности, он не посмел обернуться, но знакомый голос тут же успокоил его:

— Это я, брат Сюй.

Тот обернулся и увидел перед собой давешнего простака. Вот только от былой глупости на лице Линьси не осталось и следа: черные глаза сияли остро и пронзительно, точно звезды.

Перед носом слуги покачнулся увесистый кошель.

— Мне нужна твоя помощь, брат Сюй. Что скажешь?

***

Послышался грохот и звон.

Кое-как закончив сочинение, Ван Чии не потрудился даже перечитать его. Он небрежным жестом швырнул свиток под ноги стоявшему рядом человеку:

— Отнеси отцу.

Личный слуга, помня строгий наказ канцлера, осторожно пролепетал:

— Господин... может, вы еще раз проверите?

— Проверять? — Ван Чии издевательски хмыкнул и с размаху ударил его ногой. — Проклятье, ты, ничтожный раб, смеешь указывать своему хозяину?! Смерти ищешь?!

Удар пришелся в полную силу. Молодой господин был крепкого сложения, и несчастный скорчился от боли, не смея даже застонать. Даже не взглянув на него, Ван Чии поднялся с кресла и одернул рукава:

— С делами покончено. Я ухожу. Живо, кто там за дверью, — зайти и прислуживать!

Снаружи несколько дежурных переглянулись. Помня о тяжелом кошельке с серебром, Сюй

Жао решил. Он ворвался в комнату и пал ниц:

— Ничтожный готов служить господину!

— О? — Ван Чии удивленно вскинул брови. Обычно после его вспышек гнева люди не спешили показываться на глаза, а этот явился мгновенно. — Неплохо.

— Тот, кто служит, должен действовать быстро по слову хозяина. Я ведь не кусаюсь, верно?

— Что ж, пошли.

Ван Чии вразвалочку направился к выходу. Сюй Жао, подавляя снедавший его ужас, следовал по пятам, в душе неистово молясь, чтобы затея Цзи Линьси и впрямь сработала.

«Нет, никакой он не книжник... Он — сущий дьявол в обличье благородного мужа»

Когда они проходили через сад, до их слуха донеслась уверенная речь:

— «Благородный муж знает: то, что не обладает полнотой и чистотой, не может зваться прекрасным. А потому он повторяет изученное, дабы проникнуться им, размышляет над ним, дабы постичь его суть...»

Ван Чии, которого тошнило от одной мысли об учебе, мгновенно помрачнел. Он резко остановился:

— Кто это здесь такой дерзкий, что смеет орать свои книжки посреди ночи?

Сюй Жао украдкой взглянул на его лицо и, повалившись на колени, заикаясь, произнес:

— Должно быть... кто-то из ученых Академии Шаньсюэ. Видать, забрел сюда... зубрит...

Ван Чии знал об этих выскочках из академии, но никогда не принимал их в расчет. Он и представить не мог, что у кого-то из них хватит наглости расхаживать по его саду глубокой ночью. Первым порывом было просто уйти и предаться разгулу, но скука последних дней взяла свое. Перед ним появилось развлечение, само плывущее в руки.

— Вели ему подойти.

Сюй Жао поспешно вскочил и скрылся за деревьями. Вскоре он привел Линьси. Увидев господина Вана, юноша не выказал страха, лишь почтительно склонился в поклоне:

— Ничтожный Цзи Линьси приветствует молодого господина.

Ван Чии подошел вплотную:

— Глубокая ночь, а ты распеваешь в моем саду. Что, решил, будто поместье канцлера — твой родной дом? Совсем страх потерял?!

С этими словами он с размаху ударил его ногой.

Линьси покорно принял удар. Лицо его, опущенное к земле, на миг исказилось мрачной, хищной тенью, но голос остался безупречно ровным:

— У ничтожного и в мыслях не было дерзости. Просто я никогда прежде не видел столь дивного, чарующего места. Я решил, что в такой умиротворяющей обстановке учение даст плоды в стократ большие. Днем здесь многолюдно, и я не смел мешать... Вот и пришел под покровом ночи, надеясь вымолить у судьбы хоть малый шанс на успех в следующем году.

Он украдкой взглянул на Ван Чии. В лунном свете его глаза светились искренним, неприкрытым восхищением. Видя такую покорность, тот вдруг заинтересовался. Если бы ученый начал дрожать и лебезить, стало бы скучно. Если бы проявил гордость — вызвал бы лишь омерзение. Но этот юноша не боялся его; он смотрел на него с благоговением. А ведь верно: кто не позавидует сыну самого канцлера?

— И что же ты там читал?

— Трактат «О наставлении к учению».

Услышав название, Ван Чии поморщился. Скрестив руки на груди, он решил поиздеваться:

— Вот как? Что ж, тогда слушай: прочитай мне весь этот трактат от начала до конца. Да смотри, не ошибись ни в едином иероглифе. Коли справишься — дам тебе твой «шанс». Но если собьешься — пеняй на себя. Накажу по всей строгости.

— Благодарю за милость, господин, — Линьси снова поклонился и, чуть ссутулив спину, начал неспешно, слово за словом, читать наизусть.

Когда он закончил, Ван Чии издевательски хмыкнул:

— Ты ошибся.

Он ожидал, что стоящий перед ним человек начнет оправдываться или спорить. Но Линьси

лишь снова склонился:

— Молодой господин — сын великого канцлера. Ваше положение высоко, а познания безграничны. Раз вы говорите, что ничтожный совершил ошибку, значит, так оно и есть. Я готов принять любое наказание.

Ван Чии расхохотался. Он обошел вокруг коленопреклоненного юноши, внимательно его разглядывая.

— А ты забавный. Складная у тебя речь. Пожалуй, не стану я тебя наказывать. Напомни-ка... как тебя звать?

— Ничтожного зовут Цзи Линьси. «Линь» — как в слове «копировать», «Си» — как в слове «раб».

— Цзи Линьси... — тот повторил имя и вздернул подбородок. — Ладное имя. Что ж, мне как раз не помешал бы компаньон по учебе. Побудешь со мной несколько дней, а я погляжу, на что ты годен.

Линьси изо всех сил сдержал торжествующую, змеиную улыбку, готовую растянуть его губы. Стерпев боль в теле, он отвесил нижайший поклон, коснувшись лбом земли:

— Благодарю господина за великую честь. Ничтожный приложит все силы, дабы отплатить за вашу доброту.

<http://bllate.org/book/15344/1415974>